ЧЁРНАЯ «ВОЛГА» ЖДЁТ У ШКОЛЫ

СТРАШИЛКА НАШЕГО ДВОРА

Евгений Пинчук

Черная волга ждет у школы

«Автор»
2026

Пинчук Е. В.

Черная волга ждет у школы / Е. В. Пинчук — «Автор», 2026

Осень 1979 года. У школьных ворот появляется чёрная «Волга». Водитель обращается к пятнадцатилетнему Антону домашним прозвищем, которого не знают даже друзья. Он предлагает отвезти мальчика к отцу. Отец Антона погиб три года назад.Сначала в машину садится Паша. Когда он возвращается, из его рассказа выходит, что больная мать снова здорова и каждое утро готовит ему завтрак. В настоящей больнице она по-прежнему ждёт сына. Потом исчезает Лена. Взрослые не могут найти дорогу, по которой уехала «Волга».Антон узнаёт о трёх остановках. До третьей ещё можно попросить водителя повернуть назад. Дальше пассажира ждёт дом, в котором исполнилось его самое заветное желание. Там накрыт стол, горит свет и знакомый голос зовёт из соседней комнаты.Пока мать Антона и милиция ищут пропавших, машина снова приезжает к школе. За её стеклом мальчик замечает вещь, которую когда-то сделал для него отец. Антон помнит, что она осталась в сгоревшем цехе. Теперь ему предлагают сесть и спросить об этом самому.

© Пинчук Е. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Евгений Пинчук
Черная волга ждет у школы

Пинчук Евгений
Страшилка нашего двора
Книга 5
Чёрная «Волга» ждёт у школы
Повесть
1979 год

Глава 1

Шуруп

Чёрная «Волга» стояла возле школьной ограды с самого утра. Антон видел её из кабинета химии, потом с лестницы, потом из раздевалки, где дежурная тётя Нюра никак не могла найти его пальто. Машина оставалась на прежнем месте, под голым тополем. Под ветровым стеклом лежала сложенная газета, переднее колесо утонуло в жёлтых листьях. Водителя Антон сначала принял за человека, который задремал: голова чуть склонена, руки на руле, белый воротничок над тёмным пиджаком. Только к концу шестого урока он заметил, что мужчина всё это время смотрит на школьную дверь. Стоило кому-нибудь выйти на крыльцо, голова за стеклом слегка поворачивалась. Младшеклассников он провожал взглядом до самого угла.

Лена Тихонова спустилась по ступенькам раньше Антона и пошла вдоль ограды, поправляя тесёмку на папке. Пальто у неё было новое, с чужого плеча, слишком длинное в рукавах. На прошлой неделе она ещё смеялась, показывая, как можно спрятать в них обе кисти, а сегодня держала руки по швам. Антон догнал её у тополя. Хотел спросить, придёт ли на репетицию, но Лена показала подбородком на машину. Водитель опускал стекло. Делал это медленно, будто плечо у него болело, и всё время смотрел на ребят. На правой щеке возле уха виднелось круглое пятно ожога. Антон запомнил его потому, что на остальное лицо смотреть было неудобно: мужчина улыбался так, словно давно знал их обоих.

- Шуруп, тебя подвезти? - спросил он. - Дорога-то мокрая. В школу ещё ничего, а обратно совсем ноги замочишь.

Антон остановился. Шурупом его называл отец, когда вместе чинили что-нибудь дома. Мать иногда повторяла это по старой памяти, но всякий раз запиналась и переходила на имя. В школе прозвище не знали. Здесь Антон был Кругловым, для Лены Тохой, для физрука Кругловым-младшим: тот когда-то учился с его отцом. Мужчина ждал ответа, удобно устроив локоть на двери. Рукав пиджака приподнялся; на запястье остался бледный след ремешка, самих часов не было. Антон спросил, откуда они знакомы. Водитель не стал вспоминать ни имени, ни места встречи. Сказал, что по пути всё объяснит. На заднем сиденье лежал клетчатый плед, аккуратно сложенный вдвое.

Лена взяла Антона за рукав и потянула дальше. Водитель повернулся к ней. Назвал её Кнопкой. Она выпустила рукав сразу, словно обожглась, и уставилась на мужчину с таким выражением, что Антону захотелось заслонить её собой. Улыбка у водителя почти исчезла. Он сказал, что Валентина уже, наверное, устала ждать, и Лена пошла быстро, не отвечая. Антон двинулся следом. У угла она остановилась и долго возилась с тесёмкой, хотя папка была завязана. На вопрос, кто этот человек, ответила слишком сердито: откуда ей знать. Потом спросила, кто называл Антона Шурупом. Он сказал про отца. Лена кивнула, не поднимая головы, и попросила сегодня не провожать её до дома.

За следующим кварталом их догнал Паша Лосев. Он катил велосипед с погнутой восьмёркой на переднем колесе, держался за руль одной рукой, другой прижимал к груди сумку с кефиром. Паша с утра обещал, что мать выпишут к пятнице, и теперь опять заговорил об этом, будто боялся, что за шесть уроков ребята забыли. Спросил, какую пластинку подарить человеку после больницы. Лена пожала плечами. Антон предложил сначала узнать, чего сама мать хочет. Паша нахмурился: спросить-то как, если к ней не пускают. У приёмного отделения принимали передачи, говорили через окошко, а что происходило дальше, никто толком не знал. Отец приносил домой одинаковые успокоительные фразы и каждый вечер проверял, есть ли в кухонном шкафу водка.

О чёрной машине Антон рассказал почти мимоходом. Пока произносил вслух, история стала выглядеть глупо: водитель, старое прозвище, ничего страшного. Паша даже улыбнулся и сказал, что, может быть, это сослуживец отца. Антон знал всех, кто приходил после похорон. Их лица запомнились по отдельности, вместе с тёмными воротниками, запахом мокрых шинелей и белыми крошками на скатерти. Обожжённой щеки среди них не было. Он уже собирался объяснить, но Лена попросила сменить тему. Паша посмотрел на неё, на Антона, потом поправил кефир в сумке. Про велосипедное колесо он так и не вспомнил. У гастронома они разошлись, и Антон остался один на длинном дворовом проходе между гаражами.

Возле дома младшая соседка Катя рисовала кирпичом клетки для классиков. Мокрый кирпич крошился, красная полоса исчезала в лужах. Катя подняла голову и спросила, правда ли в чёрных машинах возят детей на опыты. Бабушка велела ей идти прямо из школы, не останавливаться даже у киоска, и теперь любое чёрное такси казалось ей опасным. Антон сказал, что про опыты врут, а к незнакомому водителю садиться всё равно нельзя. Катя немедленно спросила, считается ли знакомым человек, который знает бабушку. Он присел рядом, отнял разваливающийся кирпич и ответил, что лучше сначала спросить саму бабушку. Девочка посмотрела на него серьёзно. Ей явно хотелось получить правило, которое можно исполнить без лишних вопросов, и его длинный ответ её разочаровал.

В квартире пахло утюгом и подгоревшим луком. Мать взяла срочный заказ: возле стола висели три одинаковые юбки на широких прищепках. Она спросила об оценках, подвинула сыну картошку и попросила переставить швейную машину подальше от окна. Рама пропускала воду, подоконник весь потемнел. Антон подхватил тяжёлый деревянный футляр, и мать сказала: «Осторожно, Шуруп». Слова прозвучали обыкновенно, без запинки. Он чуть не выронил машину. Поставил на табурет, спросил, давно ли она видела кого-нибудь из папиных знакомых. Мать подняла глаза поверх очков. Нет, давно. Разве что Серёгин мастер заходил весной с документами. Почему он спрашивает? Антон пожал плечами и стал подкладывать под раму старую газету.

Поздно вечером он вышел за хлебом. В булочной уже мыли пол, продавщица сунула последнюю половинку серого в его пакет и заперла дверь. Чёрная «Волга» стояла через дорогу. Антон узнал её по белому шраму над задним колесом: краска была снята длинной полосой, обнажив серый металл. Теперь газеты под стеклом не было. Водитель сидел ровно, вглядываясь в тёмные окна пятиэтажки. Он не окликнул Антона, пока тот не сошёл с бордюра. Потом стекло опустилось, и мужчина спросил, не передумал ли он. Изнутри потянуло печным теплом и мокрой шерстью. Где-то за сиденьем тихо стукнул металлический предмет.

Антон ответил, что живёт рядом. Мужчина кивнул в сторону дома, но говорил уже о другом месте. Сказал, что некоторые дороги короче, чем принято думать, и если знать поворот, можно приехать к человеку, которого давно не видел. При этом он смотрел на хлебный пакет, на пальцы Антона, на всё, кроме лица. От этого ответить грубо оказалось легче. Антон велел ему больше не подходить к школе. Водитель принял слова спокойно, поднял стекло. Когда машина поехала, в щели задней двери мелькнул край пледа. Под ним будто лежало чьё-то колено. Антон проводил автомобиль до поворота и только тогда заметил, что сжал хлеб обеими руками, продавив корку почти до середины.

Глава 2

Передача

Во вторник Паша не пришёл на первый урок. Учительница истории спросила, не заболел ли Лосев, и Лена ответила, что не знает. На перемене Антон пошёл к телефонной будке возле почты. Номер Лосевых он помнил: однажды целый месяц звонил туда перед тренировками, пока у Паши заживало колено. Трубку никто не взял. Возвращаясь, Антон увидел на школьном дворе велосипед, прислонённый к стене котельной. Восьмёрка на переднем колесе осталась прежней. На багажнике висела пустая сетка, в которой вчера лежал кефир. Антон потрогал руль. Резиновые ручки были мокрые, на седле собралась вода. Велосипед оставили здесь ещё вечером. Замок на цепи так и не защёлкнули.

После второго урока Лена нашла его у раздевалки. Дежурная видела Пашу вчера возле школы, уже после семи, когда выносила ведро. Он разговаривал с водителем легковой машины. Какой именно, тётя Нюра не запомнила: у неё болела нога, смотреть приходилось под ноги. Лена стояла, прижав папку к груди, и пересказывала всё тише, пока Антон не попросил начать сначала. Она рассердилась. Ничего другого тётя Нюра не сказала. Может быть, Паша уехал к матери, может быть, отец прислал знакомого. Антон напомнил о незапертом велосипеде. Лена взглянула в сторону котельной и впервые за утро перестала спорить. Они договорились после школы идти к Лосевым. С последних уроков уходить не решились: отсутствие ещё одного человека могли принять за общую прогулку.

Пашин отец открыл дверь в рабочей рубашке. Лицо у него было серое, возле подбородка белела засохшая пена: побриться он успел только наполовину. Михаил Николаевич спросил, видели ли ребята Павла, и, услышав, что нет, отвернулся к тёмной прихожей. Из кухни тянуло прокисшим супом. На табурете стоял нетронутый завтрак, рядом лежала чистая ложка, накрытая полотенцем. Отец рассказал, что вчера задержался на базе, пришёл в девять. Сына дома не было. Сначала решил, что тот сидит у друзей, потом позвонил всем, чьи номера нашёл в записной книжке. К двум часам ночи уже ходил вдоль школьной ограды. Велосипед заметил в темноте, но не тронул: вдруг Паша вернётся за ним.

Антон рассказал про «Волгу». Теперь слова не казались глупыми, хотя от этого произносить их стало труднее. Михаил Николаевич перебивал, спрашивал номер, цвет салона, возраст водителя, где именно стояла машина. Номер Антон не запомнил. Ему было стыдно за каждую мелочь, которую он видел и не удержал в голове: газету, руку без часов, плед. Отец выслушал до конца, велел идти с ним. В районном отделении они просидели в коридоре почти час. Лена вертела на пальце тесёмку, пока та не покраснела. Антон смотрел на портрет над дверью и думал, что Пашу сейчас будут искать по его неуверенным словам. Обожжённая щека казалась единственным, что он мог описать без ошибки.

Молодой лейтенант записал их фамилии и попросил повторить разговор у школы. О прозвищах Антон сначала промолчал. Когда Лена сказала про Кнопку, он тоже рассказал. Лейтенант перестал писать, посмотрел на них обоих и спросил, не разыгрывал ли кто-нибудь из одноклассников. Михаил Николаевич резко двинул стул. Тогда лейтенант объяснил, что должен проверить и такую возможность. Говорил он спокойно, как с человеком, который сейчас ударит кулаком по столу. На листке появилась отдельная строка про водителя. Антон увидел слово «ожог» и почувствовал нелепое облегчение: теперь лицо мужчины существовало ещё где-то, помимо его собственной памяти. Когда их отпустили, за окнами уже темнело.

Выйдя из отделения, Лена попросила позвонить домой. Михаил Николаевич дал ей две копейки и пошёл к автобусной остановке. Антон подождал у будки. Через стекло он видел, как Лена держит трубку обеими руками, слушает, открывает рот и снова молчит. Она вышла,

спрятав руки в рукава. Сказала, что мать на работе. Антон знал: если бы трубку никто не взял, она не стояла бы у телефона так долго. Он предложил проводить её хотя бы до перекрёстка. Лена кивнула. По дороге они обошли стройку, прошли мимо закрытого летнего кафе, где на мокрых столах лежали листья. Она смотрела на каждый въезд во двор. Один раз схватила его за локоть, но чёрная машина оказалась обычным такси, со светящимся зелёным огоньком.

Дома мать уже ждала у окна. Антон рассказал ей про Пашу и милицию. Про то, что водитель назвал его Шурупом, говорить не хотелось, но он всё-таки сказал. Мать села, не снимая напёрстка. Долго перебирала знакомых мужа: цеховые, сосед по общежитию, мужчина из комиссии, который приходил после пожара. Никто из них не знал домашнего прозвища. Они придумали его ещё до рождения Антона, когда отец принёс из мастерской горсть блестящих шурупов, чтобы собрать кроватку. Мать сказала, что сын в животе крутится сильнее любого из них. До сегодняшнего дня Антон этой истории не слышал. Ему казалось, отец начал называть его так намного позже, возле ящика с инструментами.

Они поели, хотя оба почти не чувствовали вкуса. Мать несколько раз хотела предложить чай, забывала, что уже налила, переставляла чашки. Потом достала с антресоли старую коробку, где лежали отцовские фотографии и письма. Антон попросил убрать. Ему было неприятно, что один незнакомый человек заставил их проверять собственный дом, как будто в нём могла обнаружиться утечка. Мать закрыла коробку, но не унесла: поставила возле кресла. Спросила, что именно обещал водитель. Антон повторил слова про короткую дорогу. Мать прижала губы к краю чашки и некоторое время так сидела, не отпивая. Потом велела завтра идти в школу вместе с ней, хотя её мастерская находилась совсем в другой стороне.

Перед сном постучала соседка напротив: в общей прихожей работал телефон, к которому Галину Сергеевну иногда звали по срочным заказам. Звонил Михаил Николаевич. Антон стоял рядом, пока мать слушала, закрыв ладонью второе ухо. Отец нашёл Пашину сумку возле больничного забора. В ней лежала чистая банка, завёрнутая в полотенце. Передачу в понедельник приняли, больная Лосева находилась в своей палате, сына к ней никто не пропускал. После девяти вечера сторож видел у бокового въезда чёрный автомобиль. Пассажира рассмотреть не смог, зато услышал, как тот засмеялся. Михаил Николаевич повторил это несколько раз: сын смеялся. Будто смех означал, что всё ещё можно исправить.

Ночью Антон проснулся оттого, что мать ходила по комнате. Она остановилась у двери, увидела открытые глаза и попросила подвинуться. Села на край кровати, поправила одеяло. За стеной кто-то наливал воду в ванну, стучали трубы. Мать сказала, что когда человека долго ждёшь, начинаешь слышать его в самых обыкновенных звуках: на лестнице, в лифте, за окном. Антон понял, что она говорит о себе. Он спросил, перестало ли это у неё. Мать покачала головой. Потом встала, дошла до окна и задёрнула штору. На улице ровно работал автомобильный двигатель. За плотной тканью стало совсем темно, но звук никуда не делся. Он держался под окном до самого утра, то затихая, то снова набирая силу.

Глава 3

Яичница на двоих

Паша вернулся в среду перед рассветом. Михаил Николаевич позвонил соседям в начале восьмого, когда Антон уже надевал ботинки. Мать взяла трубку, выслушала и несколько раз сказала, что очень рада. Голос у неё потеплел впервые за два дня. На улице она позволила Антону идти одному, только попросила сразу заглянуть к Лосевым. Паша открыл сам. Волосы примяты, рубашка застёгнута на все пуговицы, под глазами тени. На правом ботинке белела сухая известь. Он посмотрел на Антона и улыбнулся с запозданием, словно тот напомнил ему что-то приятное, о чём Паша успел забыть. В квартире пахло жареными яйцами. Михаил Николаевич стоял у плиты и не выпускал из рук лопатку.

Отец рассказывал вместо сына. Перенервничал, ушёл гулять, переночевал у знакомого. Назвать знакомого Паша пока не мог: боялся, что тому попадёт за то, что не сообщил взрослым. Михаил Николаевич произносил эту историю так старательно, что Антон сразу понял: сам он ей не верит. Просто сын находился дома, можно было смотреть на его затылок, слышать, как скрипит стул, и на несколько минут согласиться на любое объяснение. Милицию отец уже уведомил. Там велели никуда Павла не отпускать до разговора. В школу он сегодня не пойдёт. Антон сел возле окна, а Паша отодвинул к нему тарелку с двумя яйцами. Скорлупки лежали на газете, вымытые изнутри до блеска.

На столе стояла ещё одна банка, похожая на ту, что отец нашёл у больницы. В ней был компот из сушёных яблок. Под крышкой собрались капли, стекло ещё хранило тепло. Михаил Николаевич посмотрел на банку с недоумением, но ничего не спросил. Паша принёс её с собой. Сказал, что дал знакомый. Антон заметил на крышке след красного лака, которым Ирина Васильевна обычно помечала домашние заготовки. Он ел у Лосевых столько раз, что знал эту привычку. Под красной полосой виднелась другая, старая, почти стёртая. Паша провёл пальцем по крышке и быстро спрятал руку под стол. Когда отец вышел звонить на базу, он сразу заговорил, не дожидаясь вопроса.

- Я был дома, - сказал он. - Ты сейчас не начинай. Я знаю, как это звучит. У нас дома. Только мама тоже была там.

Он описал кухню, плиту, занавески с коричневыми ромбами. Антон видел всё это перед собой. Отличалась одна мелочь: на подоконнике у Паши рос лук в банке, а в другом доме стояла герань, которая погибла у них ещё зимой. Мать жарила яичницу. Отец должен был прийти позже, но Паша не дождался. Они разговаривали целый вечер, потом он заснул в своей комнате. Утром мать велела вернуться, пока отец не начал волноваться. Антон спросил, почему это утро случилось только сегодня, если Паша уехал в понедельник. Паша побледнел. Он считал, что отсутствовал одну ночь. Настенные часы над настоящей плитой тикали громче, чем обычно; Антон никак не мог перестать прислушиваться к ним.

Водитель подобрал Пашу у больницы. Назвал Пушком. Так его звала мать, когда он был маленьким и отказывался стричь волосы. Пообещал отвезти к ней. Паша сказал: «Хочу, чтобы она опять была дома». Мужчина переспросил, точно ли туда. Паша подтвердил, сел и закрыл дверь. Дальнейшую дорогу он помнил плохо: старый мост, заправка без света, женщина на автобусной остановке, которая всё время смотрела под ноги. Они трижды останавливались. В последний раз водитель открыл заднюю дверь и сказал, что дальше пешком, дом за углом. Паша вышел, увидел знакомый подъезд и перестал думать о дороге. Назад его привезла та же машина. За обратную поездку водитель ничего не попросил, только сказал, что вернуться можно будет ещё.

Антон спросил, кто сообщил о машине Лене. Паша поднял голову. Лена сама приходила вчера вечером, пока отец искал его в городе. Она ждала у школы, водитель её узнал. Паша говорил об этом, глядя в сторону двери, будто проверял, не слышит ли отец. Антон встал так резко, что стул ударил подоконник. Лена во вторник была с ним в милиции, потом звонила домой, шла к перекрёстку. А вечером вернулась к школе. Он спросил, зачем Паша сказал ей, что уехал к матери. Тот ответил, что не говорил. Водитель сам объяснил, что Лена приходила. Теперь ей тоже хотели помочь. Паша замолчал на середине фразы и стал отдирать от скатерти невидимую крошку.

Вошёл Михаил Николаевич. Антон хотел всё рассказать при нём, но Паша умоляюще посмотрел, и он промедлил. Отец поставил на стол чайник, спросил, когда начинается первый урок. До звонка оставалось семь минут. Антон надел пальто, вышел на лестницу и уже там понял, что снова оставил взрослому самое удобное объяснение. Он вернулся, позвонил. Дверь открыл Михаил Николаевич, и Антон попросил поговорить без Паши. Говорил быстро, сбивчиво, повторяя, что сам ничего не видел, только слышал от сына. Отец слушал, держась за дверную ручку. В конце спросил про ожог. Антон кивнул. Мужчина закрыл глаза, потом велел идти в школу. За дверью раздался удар по столу, и Антон остался на площадке ещё на минуту, боясь услышать следующий.

Лена сидела на русском с пустой партой перед собой. Тетрадь лежала в портфеле, ручку она забыла достать. Учительница сделала замечание, Лена извинилась, но Антон видел, что она даже не поняла за что. На перемене он отвёл её к лестнице и рассказал, что Паша вернулся. Она не удивилась. Спросила только, видел ли он мать. Антон ответил, что видел какую-то женщину, похожую на мать, в неизвестном доме. Лена посмотрела на него с усталой неприязнью. Сказала, что он может не верить, ему никто ничего не предлагает. Это оказалось так несправедливо, что Антон почти закричал. Предлагают. Его отец тоже мог бы сидеть в кухне. Именно поэтому он и спрашивает, где был Паша на самом деле.

Лена опустила глаза. На манжете её пальто, выглядывавшей из портфеля, осталась маленькая бурая точка. Антон вчера принял бы её за ржавчину от ограды, сегодня разглядел засохшую кровь. Он спросил, что случилось дома. Лена ответила, что порезалась, когда мыла чашку. Потом сама добавила: чашку разбил Олег. Мать сказала не спорить с ним, потому что у него неприятности на работе. Лена говорила без слёз, перечисляя действия по порядку, будто от точности зависело, поверят ли ей. Антон предложил вечером пойти к его матери. Можно позвонить Лениной тёте, та живёт на другом конце города. Лена покачала головой. Тётя уже однажды приезжала. Потом уехала, а ей пришлось остаться в квартире и слушать, что она вынесла сор из избы.

После уроков чёрной машины возле школы не было. Антон провожал Лену до самого двора, хотя она несколько раз пыталась отправить его домой. На углу они встретили Михаила Николаевича с Пашей. Отец вёл сына к остановке, крепко держа выше локтя. Паша нёс пустую банку. Сказал, что едут в настоящую больницу. Лена долго смотрела им вслед. Потом спросила Антона, заметил ли он, как у Паши дрожат руки. Он заметил. Лена сказала, что это потому, что после хорошего места трудно вернуться. Антон хотел возразить, но из их подъезда вышел Олег, запахивая куртку. Увидел ребят и остановился. Лена выпрямилась, убрала руки из рукавов и пошла к нему. Антон остался у песочницы, слишком далеко, чтобы расслышать первые слова.

Глава 4

Хорошее место

Олег сказал Лене, чтобы поднялась домой, и остался возле Антона. Он работал наладчиком на заводе, носил короткую куртку с масляным пятном возле молнии. Раньше Антон встречал его по воскресеньям, когда тот выбивал ковёр, и даже помогал однажды нести сломанный телевизор. Теперь мужчина спросил, почему чужой мальчишка каждый день крутится возле его падчерицы. Антон ответил, что они учатся вместе. Олег усмехнулся и предложил заниматься учёбой в школе. Голос у него был тихий, почти дружелюбный, и от этого слова приходилось слушать внимательнее. Лена замерла на первой ступеньке. Олег обернулся, она сразу скрылась за дверью. Антон спросил, что у неё с рукой. Мужчина перестал улыбаться.

До дома Антон шёл через дворы. Он представлял, как расскажет всё матери, как та найдёт взрослые слова, позвонит Валентине, сможет сделать то, чего не получилось у него самого. В квартире было пусто: срочный заказ мать понесла заказчице. На столе лежала записка с просьбой разогреть суп. Антон сел возле телефона у соседей, дождался разрешения и позвонил Лене. Трубку снял Олег. Сказал, что она занята, и положил, не дав договорить. Второй раз Антон набирать не стал. Он вернулся в комнату, налил суп в ковшик, потом вылил обратно: огонь зажёг, а разогревать забыл. За окном двое мужчин толкали заглохшие «Жигули». Один смеялся, другой ругался. Обычный вечер продолжался, не замечая, что для Лены он мог оказаться совсем другим.

Мать вернулась в половине седьмого. Она выслушала, сразу попросила Ленин номер и долго разговаривала с Валентиной. Сначала о платье, которое та когда-то заказывала, потом прямо сказала, что девочке сейчас нужна помощь. Антон ушёл на кухню, чтобы не слушать чужое унижение: Валентина наверняка оправдывала мужа, мать наверняка пыталась не спорить слишком резко. Через несколько минут Галина Сергеевна положила трубку и надела пальто обратно. Сказала, что пойдёт к ним сама. Антон хотел идти с ней. Она согласилась, но попросила подождать во дворе и не вмешиваться, если разговор станет громким. На полпути они встретили Валентину. Та спешила в гастроном, сжимая сетку, и сразу сказала, что дома никого нет. Лена ушла к тётке ещё час назад.

Адрес тёти мать записала на обороте квитанции. Они дошли до будки и позвонили, хотя Валентина уверяла, что всё в порядке. Тётя Зина ответила сразу. Лены у неё не было. Галина Сергеевна закрыла глаза на несколько секунд, потом спросила, можно ли приехать, если девочка найдётся. Зина сказала, что можно хоть ночью, и начала задавать вопросы. Мать повторила ей всё, что знала. Антон стоял возле стеклянной двери и видел в отражении дорогу за своей спиной. По ней медленно шла чёрная «Волга». На заднем сиденье, у самого окна, сидела Лена. Она держала на коленях ту самую папку, которую таскала в школу. Сидела ровно, пристегнув волосы простой металлической заколкой, и смотрела вперёд.

Антон выскочил на тротуар. Машина остановилась у светофора, до неё оставалось метров двадцать. Он побежал между прохожими, задел женщину с авоськой, услышал за спиной материнский крик. Лена повернула голову только тогда, когда он ударил ладонью по стеклу. Водитель посмотрел в зеркало. Антон дёрнул ручку, дверь неожиданно поддалась, и в салон ворвался холодный воздух. Лена прижала папку к животу. Он крикнул, чтобы выходила. Она покачала головой. Сказала, что уже едет к тёте. Антон назвал адрес, который услышал только что. Лена удивилась: водитель сказал другую улицу. Светофор переключился, сзади загудел автобус. Мужчина за рулём негромко велел закрыть дверь, иначе они мешают движению.

Мать успела подбежать. Она обхватила Лену за запястье и попросила выйти хотя бы на минуту, поговорить с Зиной по телефону. Лена дёрнулась от боли. Галина Сергеевна сразу

разжала пальцы, увидев бинт, и сказала, что девочка может поехать к ним. Лена смотрела на неё, потом на Антона. На секунду он подумал, что она согласилась. Водитель положил руку на спинку переднего сиденья и спросил, хочет ли Кнопка, чтобы всё осталось по-прежнему. Лена закрыла лицо папкой. Сказала: «Нет». Мужчина повторил, что спрашивает её. Дверь потянуло из руки Антона. Он удержал, уперевшись ногой в бордюр, но Лена сама нажала изнутри, и пальцы пришлось убрать. Машина тронулась, оставив их рядом с работающим светофором.

Галина Сергеевна сразу записала номер на квитанции. Антон повторил цифры вслух несколько раз, пока они шли к будке. Лена не махала из окна. Она даже не посмотрела назад. Мать позвонила в милицию, назвала место, направление, приметы водителя. Потом позвонила Валентине. Теперь говорила без прежней осторожности: дочь уехала с незнакомым мужчиной, который обещает отвезти её неизвестно куда. Валентина сперва возмутилась, потом замолчала. Антон слышал из трубки обрывки слов, дыхание, чей-то вопрос в комнате. Мать велела ей взять фотографию и идти в отделение. Тётю Зину они предупредили отдельно. Всё это заняло двадцать минут. За это время машина могла проехать через весь город.

В отделении снова оказался тот же молодой лейтенант. Он представился: Алексей Сергеевич Рябинин. Мать положила перед ним квитанцию с номером. Рябинин сверил запись с другой бумагой и нахмурился. Такой номер уже сообщили по машине, которую видели возле больницы, но Михаил Николаевич говорил о другой последней цифре. Лейтенант попросил не делать выводов: люди в темноте часто ошибаются. Антон сказал, что они рассматривали номер прямо под уличным фонарём. Мать дотронулась до его плеча, но не остановила. Он объяснил про открытую дверь и адрес. Рябинин стал слушать внимательнее, когда узнал о бинте на руке. Спросил, кто дома у девочки, не собиралась ли она уйти раньше. Галина Сергеевна ответила, что поговорить надо и с отчимом.

Валентина приехала с Олегом. Тот сразу заговорил громко, называя Лену выдумщицей, но Рябинин попросил его подождать в коридоре. Из кабинета Валентина вышла заплаканная. В руках у неё была фотография дочери с прошлогоднего школьного вечера. Лена на ней стояла возле пианино и смеялась, задрав голову. Антон не помнил, когда видел её такой в последний раз. Он хотел подойти к Валентине, сказать что-нибудь о машине, но она отступила от него на шаг. Будто исчезновение дочери началось с мальчика, который первым заметил чужого водителя. Галина Сергеевна увела сына к выходу. Дома она долго мыла руки, хотя никто не испачкал ей ладони.

Перед сном пришёл Михаил Николаевич. Паша остался дома, под присмотром соседки. В настоящей больнице Ирина Васильевна лежала под капельницей, сына к ней пустили на пять минут. Он вышел из палаты белый, долго стоял у стены, потом спросил, нельзя ли забрать мать домой немедленно. Теперь отец знал, что рассказ о чужой кухне не был просто способом скрыть ночёвку. Он положил на стол банку компота. На дне плавал кусочек бумаги, размокший до прозрачности. Сначала Михаил Николаевич принял его за яблочную кожуру. Когда вылил компот, увидел буквы. Бумагу он принёс на блюдце, накрыв вторым, и попросил Галину Сергеевну поставить лампу поближе. На мокром клочке было выведено карандашом: «Не оставайся на завтрак».

Глава 5

Оборотная сторона

Бумага высохла к утру. Галина Сергеевна положила её между двумя чистыми листами, прижала толстой книгой и запретила трогать пальцами. Надпись проступила чётче, чем ночью: четыре слова, нажим сильный, последняя буква почти прорезала волокна. На обороте виднелась печатная сетка. Антон принёс лупу из отцовского ящика и разглядел кусок слова «километров». Бумагу оторвали от какого-то путевого листа. Внизу сохранился край прямоугольной печати и цифра семь. Михаил Николаевич забрал находку для лейтенанта, но разрешил Антону переписать всё, что видно. На попытку попросить сам клочок ответил резко. Антон не обиделся: впервые за эти дни взрослый держал в руках вещь, которую можно было исследовать без разговоров о призраках.

Паша в четверг пришёл в школу. Отец привёл его сам и поговорил с директором. На уроках Паша сидел, положив руки на колени, будто стол оказался слишком высоким. Лена отсутствовала, и учителя теперь произносили её фамилию особенно осторожно. Антон видел, как одноклассники стараются не смотреть на пустую парту, но всё равно смотрят. У кого-то нашлась история о машине, увозившей детей в соседнем районе. К большой перемене историй стало три, и в каждой водитель делал что-нибудь страшное, о чём рассказчик говорил почти с удовольствием. Антон попросил замолчать. Когда не помогло, вырвал у мальчишки тетрадь с нарисованным автомобилем и швырнул в урну. Учительница заставила достать и извиниться. Он извинился за тетрадь.

После звонка Паша подошёл сам. Спросил про бумагу. Антон рассказал, как её нашли, и стал ждать. Паша долго молчал, потом признался, что клочок положила женщина в другом доме. Та, которая была похожа на его мать. За ужином всё шло хорошо. Она знала, куда он кладёт носки, сердилась на грязные ботинки и смеялась над теми же шутками. Ночью Паша проснулся от света на кухне. Женщина стояла возле плиты и смотрела в открытое окно, где вместо двора темнело что-то ровное, как глухая стена. Утром она молча сунула ему банку, показала на дверь и сказала не спорить с водителем. Он решил, что ей снова стало плохо. Назад поехал потому, что хотел привести настоящего отца, а уже дома понял, что не знает адреса.

Антон спросил, откуда тогда взялось «вернуться можно ещё». Паша сжал губы. Водитель обещал подобрать его в субботу. Возле школы, после последнего урока. Он говорил, что мать в доме не любит ждать и если Паша задержится, ей придётся искать другого сына. Антон почувствовал, как у него холодеют ладони. До этого угроза выглядела привычно: незнакомый мужчина, чужой автомобиль, исчезновение. Теперь к ней прибавлялась женщина, которая могла улыбаться материнским ртом и торговаться за мальчика. Он спросил, хотел ли Паша ехать снова. Тот ответил не сразу. Сначала сказал, что знает, какая мать настоящая. Потом, совсем тихо, добавил: дома она хотя бы могла встать с кровати.

Они вышли со школьного двора вместе. Паша то и дело оборачивался, хотя «Волги» не было. На перекрёстке стоял милиционер, проверял документы у водителя грузовика. Антону захотелось подойти и остаться возле него до вечера. Вместо этого они свернули к автобазе: Михаил Николаевич обещал показать старые бланки путевых листов. Он предупредил, что сам тоже не уверен в печати, но на базе до сих пор пользовались запасами разных лет. В проходной пахло мокрыми телогрейками. Вахтёр записал ребят в журнал, выдал по деревянному жетону и велел не ходить между машинами без взрослого. Это обыкновенное правило почему-то успокоило Антона сильнее всех вчерашних слов лейтенанта. Здесь опасность хотя бы имела видимые колёса и понятное направление.

Михаил Николаевич встретил их возле ремонтного бокса. На стене висели связки ремней, под автобусом горела переносная лампа. Отец принёс папку использованных бланков, разложил на верстаке. Они сравнивали линии и шрифты, пока Антон не нашёл похожий угол. Только слово «километров» там стояло с другой стороны. Оказалось, клочок оторвали от старого образца, которым пользовались в начале десятилетия. Печать принадлежала седьмому гаражу областного управления, позже машины передали на базу. Михаил Николаевич провёл пальцем по сохранившемуся краю и сказал, что помнит эти печати, сам получал по ним бензин. Гараж стоял на выезде к водохранилищу, возле старого рабочего посёлка. В семьдесят первом там закрыли ведомственную ремонтную площадку.

У двери слушал седой механик. Его звали Степан Арсентьевич, но на базе все говорили просто Арсентьич. Услышав про «Волгу» и ожог, он подошёл ближе. Попросил повторить, на какой щеке пятно. Антон показал на себе. Механик вытер руки ветошью, посмотрел на Михаила Николаевича и спросил, не пора ли отправить ребят домой. Тот ответил, что домой их и так отправляли двое суток, а Лена до сих пор не нашлась. Арсентьич кивнул, будто принял неприятное, но заслуженное замечание. Рассказал о водителе Викторе Нестерове. Тот возил начальство на чёрной машине, ожог получил ещё до работы в управлении. В семьдесят первом исчез вместе с автомобилем. Его жену к тому времени похоронили, дочь жила у сестры жены.

Паша спросил, не нашли ли машину в воде. Арсентьич ответил, что водохранилище тогда проверяли, поднимали какую-то ржавую кабину, но это оказался грузовик, брошенный при строительстве. Нестерова искали недолго: взрослый человек, мог уехать. Дочь приходила на базу ещё года два, показывала фотографию, спрашивала дальнобойщиков. Теперь работает диспетчером на автостанции. Механик сказал её имя - Марина - и сразу попросил не бежать к ней с рассказами про мертвеца. Антон возразил, что водитель выглядит живым. Арсентьич посмотрел на него внимательно, потом согласился. Именно поэтому, сказал он, сначала надо звонить в милицию. Он сам провёл Михаила Николаевича к телефону, а ребят оставил возле верстака, далеко от открытых смотровых ям.

Паша стоял, склонив голову. Антон спросил, что он рассказал водителю о Лене. Слишком быстро ответив «ничего», Паша выдал себя. Антон подождал. Тот признался, что во время поездки говорил о школе, жаловался на задания, вспоминал друзей. Водитель спрашивал, кому дома тоже плохо. Паша назвал Лену. Он знал, что у неё отчим, что мать постоянно говорит потерпеть. Про отчима он слышал от самой Лены: она однажды проговорилась на школьной уборке. Антон почувствовал злость, такую сильную, что пришлось убрать руки в карманы. Значит, водитель не всё узнавал чудесным образом. Ему помогали. Паша сказал, что хотел, чтобы и ей стало хорошо. Антон спросил, почему тогда не предупредил, что её будут ждать у школы. Ответа не было.

На выходе Арсентьич догнал Антона и сунул ему маленький складной фонарь. Сказал, что мальчишки наверняка всё равно пойдут искать дорогу, а делать это в темноте без света совсем глупо. Михаил Николаевич услышал и велел вернуть. Механик не дал. Попросил только не считать фонарь разрешением. Антон спрятал его в портфель, обещал ничего не предпринимать один. Паша шёл рядом до самого перекрёстка, потом остановился и попросил не говорить Лене, что он назвал её водителю. Антон ответил, что сначала её надо вернуть. Паша кивнул так, будто услышал обещание. Антон не стал исправлять. Сейчас даже самое точное слово могло превратиться в ещё один способ отложить то, чего они оба боялись.

Глава 6

Женщина у остановки

В пятницу утром Галина Сергеевна взяла отгул. Антона это сердило: из-за него она теряла деньги, из-за Лены ходила по чужим квартирам, а он всё равно собирался сделать что-нибудь, что ей не понравится. Мать не пыталась угадать его планы. Она сказала, что после школы они вместе поедут на автостанцию, если лейтенант не запретит. До обеда ей надо встретиться с Валентиной и Зиной. Лена дома не появилась, Олег настаивал, что девочка прячется у подруг. Вчера вечером он уже приходил к Кругловым, спрашивал, не настроила ли Галина Сергеевна ребёнка против семьи. Мать не впустила его дальше порога. Антон слышал разговор сквозь сон и теперь стыдился, что не вышел, хотя она сама сказала: хорошо, что не вышел.

На геометрии он не мог вспомнить простое доказательство. Учительница вызвала к доске, он начертил треугольник и остановился. В голове стояла Лена у закрытого окна машины. Мел хрустнул в пальцах, класс притих. Учительница отправила его умыться. В коридоре Антон встретил школьную уборщицу, которую все звали тётей Нюрой. Она несла ведро, двигалась осторожно, прихрамывая. Услышав про машину, сказала, что видела её вчера вечером возле продуктового магазина. Пассажирка была молодая женщина в синем платке. Тётя Нюра запомнила её потому, что та держала на коленях буханку хлеба без пакета. Машина стояла с открытой задней дверью, а женщина никак не решалась выйти.

Антон попросил повторить адрес магазина и побежал к завучу. Та сначала велела вернуться на урок, потом, услышав фамилию Лены, набрала отделение сама. Рябинина на месте не оказалось. Дежурный записал сведения. Завуч посмотрела на Антона поверх телефонной трубки и сказала, что теперь надо подождать. Слово звучало почти оскорбительно, но он остался в приёмной. Через полчаса пришла мать. Дежурный передал сообщение, Рябинин перезвонил ей домой, она успела ответить перед выходом. Лейтенант хотел, чтобы они вместе с уборщицей съездили к магазину: неподалёку нашли автомобиль с похожими номерами. Антон поднялся сразу, но мать попросила сначала допить воду. Он держал пустой стакан и только теперь заметил, как сильно дрожат пальцы.

Машина возле магазина оказалась чужой. Серая, старая, с чёрным крылом после ремонта. Владелец приехал за картошкой, стоял возле открытого багажника и сердито объяснял, что возит только жену и тёщу. Тётя Нюра покачала головой: не эта. Рябинин не спорил. Записал её слова, извинился перед водителем и проводил всех к автобусной остановке. Мать спросила про Нестерова. Лейтенант ответил, что Марину Викторовну уже нашли, она согласилась поговорить после смены. Сам он тоже хотел присутствовать. До четырёх оставалось два часа. Тётя Нюра поехала обратно в школу, Антон с матерью пошли в столовую. Он вдруг понял, что с утра ничего не ел, и это простое телесное ощущение почти обидело его: пока Лена неизвестно где, желудок требовал котлету.

У столовой мать заметила женщину в синем платке. Та сидела на скамье возле остановки, прижимая к животу буханку. Лицо было белое, на чулках подсохла грязь. Галина Сергеевна остановилась, потом медленно подошла и спросила, нужна ли помощь. Женщина посмотрела на неё, словно пыталась вспомнить, на каком языке говорить. Антон побежал за Рябининым. Лейтенант уже садился в служебную машину, но услышал и вернулся. Женщину звали Тамара. Она работала в поликлинике гардеробщицей, жила одна. Сначала рассказала, что заблудилась, затем расплакалась. Рябинин не задавал новых вопросов, пока мать не принесла из столовой тёплой воды. Буханку Тамара отдать отказалась. Прижимала так крепко, что на корке остались следы ногтей.

Она хотела снова увидеть сына. Он погиб на стройке в прошлом году, семнадцатилетним, успев устроиться учеником каменщика. Однажды вечером возле дома остановилась машина, водитель назвал её таким именем, которым называл только мальчик, когда был маленьким и не выговаривал буквы. Тамара решила, что это знакомый сына, села. Дом, куда её привезли, оказался их прежней квартирой, ещё до переезда в общежитие. Сын сидел на кухне и резал хлеб. Тамара провела ладонью по его затылку. Кожа была тёплая. Он сердился, что она плачет, просил садиться, спрашивал, почему снова задержалась. Рябинин слушал, не отрывая ручки от бумаги. Антон стоял за матерью и старался дышать тихо.

На вторые сутки Тамара захотела уйти на работу. Сын не позволил. Убрал ботинки, загородил дверь, сказал, что если она сейчас уйдёт, его не станет. Он говорил совершенно как живой, и женщина осталась. Потом захотела открыть окно. За стеклом была кирпичная стена, хотя квартира раньше выходила во двор. Сын объяснил, что пристроили сарай. Она засмеялась от нелепости: сарай до третьего этажа. Тогда он ударил ладонью по столу и велел больше не смеяться. Тамара замолчала, потому что никогда прежде он так не делал. Следующей ночью, пока мальчик сидел к ней спиной, она нашла ботинки под ванной, взяла хлеб и вышла через маленькую дверь возле кладовки. Там раньше был встроенный шкаф. За ним оказалась лестница с железными ступенями.

У гаража её ждал водитель. Он долго убеждал вернуться. Говорил, что мальчик волнуется, останется один, опять полезет на стройку. Тамара показала на дорогу и сказала, что хочет домой. Мужчина вдруг ударил кулаком по рулю, потом открыл переднюю дверь. Вёз молча. Перед магазином высадил, объяснив, что больше к сыну её не пустят. По её словам, всё случилось вчера утром, хотя дата на газете Рябинина показывала пятницу. Женщина думала, что сегодня четверг. Лейтенант спросил о дороге. Тамара вспомнила воду справа, жёлтую трубу над въездом и будку без стёкол. Хлеб она захватила потому, что сын сам испёк. На последних словах у неё снова началась дрожь, и Галина Сергеевна обняла её за плечи.

Антон смотрел на буханку. Из трещины в корке торчал серый волос, похожий на паклю. Он не стал показывать. Рябинин вызвал машину и попросил Тамару проехать с ним к врачу. Она испугалась, стала уверять, что знает: сын умер. Никто ей не возражал. Лейтенант ответил, что после долгой дороги человек может замёрзнуть и ослабеть, сначала нужно согреться. Когда женщина наконец отпустила хлеб, мать завернула его в бумагу из своей сумки. У Антона мелькнула мерзкая мысль, что сейчас все трое прячут улики под видом заботы. Он хотел сказать, но увидел, как Тамара тянется к буханке из машины, и только подал свёрток. Она положила его на колени, точно ребёнка.

Рябинин отправил их на автостанцию с другим сотрудником, старшим сержантом Селезнёвым. Сказал, что сам подъедет, как только устроит женщину. В автобусе мать держала Антона за рукав, хотя он давно вырос из таких поездок. Он не вырывался. За окном проходили склады, одинаковые заборы, будки стрелочников. Где-то за ними лежала дорога, по которой Тамару отвезли к погибшему сыну. Антон пытался вспомнить отцовский затылок, ладонь, голос. Вспоминалось по отдельности. Он вдруг испугался, что когда-нибудь останутся только фотография и привычное чувство потери. Водитель чёрной машины, должно быть, знал, в какую минуту человеку можно предложить поездку. Антон отвернулся от окна и посмотрел на материнские пальцы, всё ещё сжимавшие его рукав.

Глава 7

Седьмой гараж

Марина Нестерова ещё работала. В диспетчерской было жарко, пахло мокрыми пальто и карандашной стружкой. За стеклом девушка передвигала таблички с номерами рейсов, отвечала водителям и всё время поглядывала на дверь. Селезнёв показал удостоверение. Марина кивнула, попросила подождать полчаса. Антон остался возле стенда с маршрутами. На нём город выглядел маленьким: центр, окраины, длинная синяя полоса водохранилища. От полосы отходила тонкая чёрная линия, упиравшаяся в надпись «Старая насосная». Рейсы туда ходили дважды в день. На карте возле линии сохранилось затёртое название посёлка. Антон стал разбирать буквы, пока мать не позвала его сесть. Он показал карту сержанту. Тот записал название в блокнот, не обещая немедленной поездки.

Пока они ждали, на станцию пришёл Михаил Николаевич. Рябинин позвонил ему с просьбой помочь найти старую площадку. Сам лейтенант оставался с Тамарой: врач хотел уточнить, сколько времени она провела без нормальной еды. Пашу отец оставил у соседей, велосипедом велел пока не пользоваться. Антон слушал и думал о том, как быстро взрослые начали договариваться между собой, минуя его. Вчера это обрадовало бы, сегодня казалось, что из дела его осторожно выталкивают. Мать заметила выражение лица и сказала, что после разговора они поедут домой. Искать гараж будут взрослые. Он кивнул, но сержант попросил его всё-таки остаться до осмотра дороги: понадобится сравнить машину, если найдут похожую. Мать согласилась после короткого молчания.

Из диспетчерской вышла другая женщина, Марина передала ей связку ключей. Подошла к ним, на ходу застёгивая пальто. У неё были такие же узкие кисти, как у водителя, и Антон сразу отвёл глаза. Марина спросила, где видели отца. Селезнёв объяснил, что личность пока устанавливают. Она не стала спорить с формулировкой, достала из сумочки маленькую фотографию. На ней мужчина стоял возле светлого забора, держа велосипед за руль. Улыбался, как улыбаются на снимках люди, которым сказали не двигаться. Обожжённая щека была повёрнута от объектива, но Антон узнал тяжёлые веки и привычку слегка склонять голову. Марина поняла по его лицу. Села на скамью и попросила сначала рассказать всё без пропусков.

Антон говорил, пока автостанция шумела вокруг. Водители подходили к окошку, звонил телефон, кто-то ругался из-за отменённого рейса. Марина слушала неподвижно. Только когда он дошёл до предложения увидеть отца, спросила, не рассказывал ли Антон водителю о его смерти. Он покачал головой. Она посмотрела на Галину Сергеевну, та подтвердила. Михаил Николаевич добавил про бумагу из компота. Марина попросила не называть отца покойником. Его не находили. Он мог быть жив все восемь лет, и никто пока не знал, что с ним случилось. Селезнёв ответил, что именно это они и проверяют. За окном стоял автобус с открытым капотом. Мужчина в телогрейке светил внутрь фонарём; свет двигался по стеклу, как чужая рука.

Седьмой гараж находился в двадцати минутах езды от станции. Они отправились на служебной машине: Селезнёв за рулём, Михаил Николаевич рядом, Марина и Кругловы сзади. Антон оказался зажат между матерью и дверью. Он не любил так ездить, но сейчас был благодарен, что кто-то касается его плеча. Дорога шла мимо новых складов, потом повернула к воде. На остановке висело расписание, которое они видели на карте. После неё асфальт стал хуже, вдоль обочин потянулись старые бетонные столбы. Марина показала, где раньше стоял магазин. Она приезжала сюда к отцу ещё маленькой, пока не запретили детям ходить на площадку. Там держали краски, бензин, тяжёлые детали. Антон спросил, жила ли семья рядом. Марина ответила, что нет, отец только работал здесь по сменам.

Площадка оказалась занята строительной организацией. Над въездом шла жёлтая труба, будка имела новые стёкла, за воротами лежали штабеля плит. Сторож открыл после долгих объяснений. Старые боксы сохранились вдоль дальней стены, но у двух заменили крыши, третий превратили в склад цемента. Селезнёв разговаривал с прорабом, Михаил Николаевич осматривал смотровую канаву. Марина стояла возле закрытой двери четвёртого бокса. На металле сквозь зелёную краску проступала семёрка. Она потрогала её ладонью и сказала, что отец всегда входил отсюда, чтобы не обходить корпус. Прораб принёс ключи. Замок открылся с трудом, дверь тянули вдвоём. Внутри пахло известью и старой резиной, на полу белели следы мешков.

Автомобиля не было. Антон прошёл между пустыми стеллажами, осветил фонарём дальний угол. На стене висела доска с нарисованной мелом схемой смазки. Под ней темнел прямоугольник, где раньше стоял стол. Марина вдруг попросила не ходить дальше. Возле стены лежала детская заколка с облезлым цветком. Она подняла её через носовой платок, долго смотрела. Такие продавали в любом галантерейном магазине, но именно эту Марина потеряла здесь в четырнадцать лет. После исчезновения отца приезжала искать его вещи. Никто не пускал, пришлось пролезть под воротами. Цветок уже тогда держался на одном усике. Она показала отломанный кончик и убрала находку в сумку. Селезнёв попросил дать ему посмотреть, записал, где лежала, затем вернул без спора.

За гаражом шла старая дорога. Новые плиты обрывались, дальше начинался щебень, заросший травой. Михаил Николаевич показал колеи: кто-то ездил недавно, после последнего дождя. Прораб сказал, что там только закрытая насосная и несколько домов под снос. Ему не нравилось, что милиция интересуется задним въездом; он всё время добавлял, что стройка к чужим машинам отношения не имеет. Селезнёв прошёл метров тридцать, вернулся. На дороге лежал свежий кусок чёрной краски с серой грунтовкой. Антон сразу подумал о шраме над задним колесом, но кусок был слишком мал для уверенности. Его завернули в бумагу. Прораб получил просьбу никого не пропускать через площадку до разговора с участковым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.